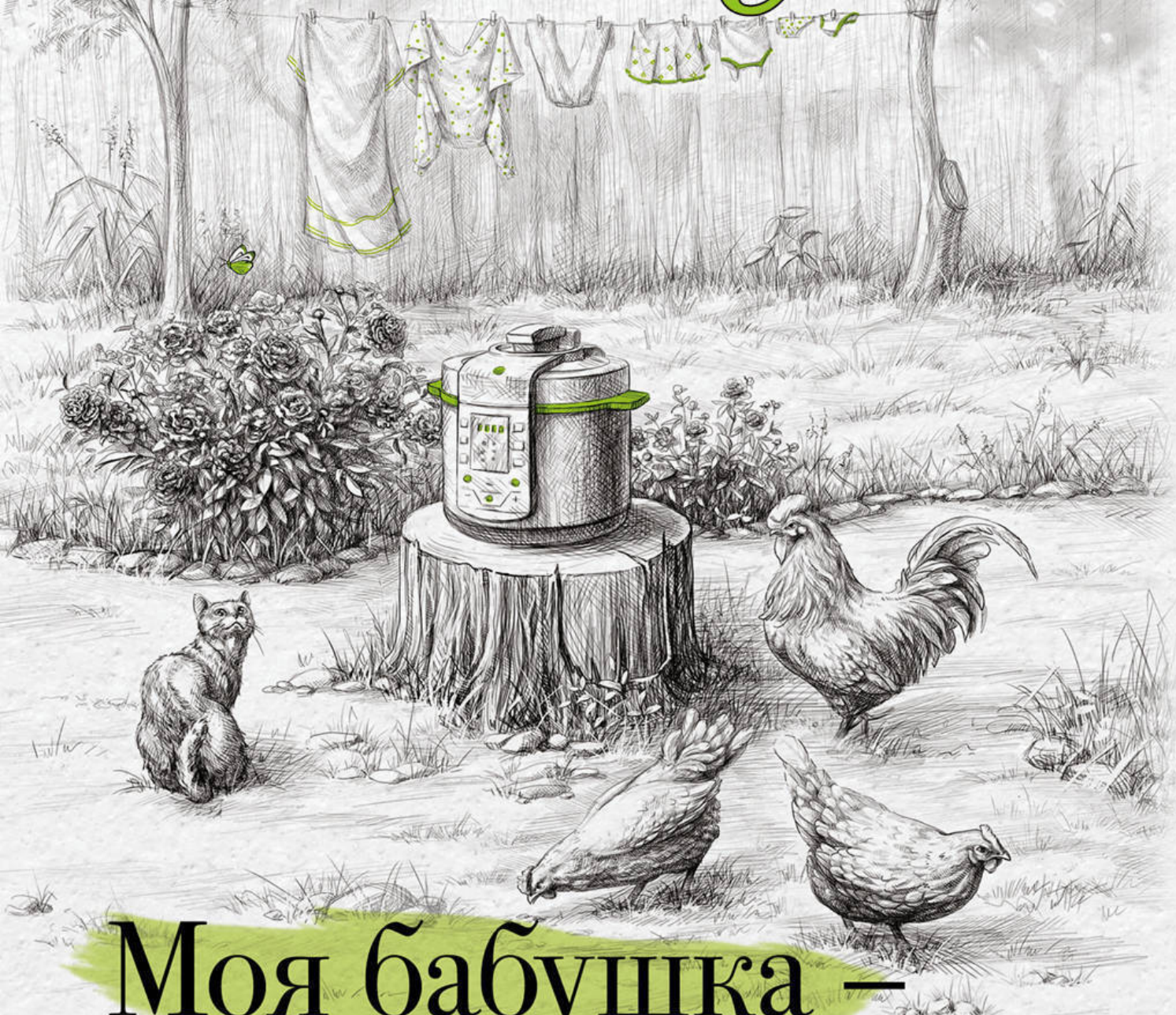

МАША ТРАУБ

Моя бабушка –
Дермонтов

Маша Трауб
Моя бабушка – Лермонтов

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Трауб М.

Моя бабушка – Лермонтов / М. Трауб — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-091584-2

Самые счастливые воспоминания у меня связаны с бабушкой. Я написала книгу «Истории моей мамы», но и истории моей бабушки им нисколько не уступают. Самый верный способ высушить слезы и взрослого, и ребенка – рассмешить его. Я смеялась все свое детство. Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091584-2

© Трауб М., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Это были еще цветочки	22
Возложэнэ, или Ленин живет всех живых	29
Пять свадеб	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Маша Трауб

Моя бабушка – Лермонтов

© Трауб М., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Дом. Пошли домой. Пора домой. До дому бы поскорее доехать. Иди домой. Дома надо убрать.

У меня такого не было. Никогда. Не было дома. Были места, в которых я жила – у бабушки или с мамой. Там, где жили они, и находился так называемый дом. Я не знала, что это такое. Дом обуви, дом одежды, дом быта – это я понимала.

Бабушка всегда мечтала о доме. Своем собственном. Настоящем. Не комнате, не квартире, а доме. И жила все время в предвкушении, в ожидании, приговаривая: «Когда у меня будет дом, я обязательно куплю вот эту люстру», «Когда у меня будет дом, положу в прихожей половик, нет, два половика». «Когда у меня будет дом...»

Бабушка жила в селе на Северном Кавказе в служебной квартире, предоставленной редакцией сельской газеты, где она работала главным редактором. С ней я жила больше, чем с мамой в Москве. Мое детство прошло в этом селе. И когда приезжала мама и спрашивала: «Ну что, поехали домой?» – я искренне удивлялась. Куда?

Вообще-то служебная квартира принадлежала сельсовету, и все в селе знали, что в квартире раньше жил дядя Шамиль. Он умер, и бабушку заселили туда – до тех пор, пока не объявятся родственники покойного. Бабушке сказали, что, пока наследники не приедут, она может там жить. Бабушка прожила там десять лет. Наследники так и не объявились. И когда меня спрашивали, где я живу, я отвечала – «в квартире дяди Шамиля, который умер, а мы ждем его родственников». Кстати, первые выражения, которые я выучила по-осетински, были «дай воды» и «пошли домой».

Квартира находилась в двухэтажном здании в самом центре села. На улице Ленина. Мы жили на первом этаже, справа. Наша веревка для белья была тоже справа, вторая по счету. Мне там нравилось – через веревки можно было перебрасывать мяч, стук которого об асфальтированный двор отзывался гулким эхом на весь двор. Бабушка говорила – «пойдем на Ленина», «надо убрать на Ленина», «сбегай в магазин, а потом сразу на Ленина». Ни разу она не сказала – «домой».

Напротив здания стояли вроде как гаражи. Но частных машин в селе было не так много, точнее, совсем мало. Все передвигались на велосипедах или мотоциклах.

Гаражи были приспособлены под коммунальные дела. В них мылись, стирали белье, сушили банки для закрутки, варили варенье. Гаражи выполняли и функцию шкафа – одежда, посуда, веники, тазы тоже хранились в гаражах. Вся жизнь проходила во дворе, на пятачке между домом и гаражами. Мы играли в вышибалы и регулярно попадали мячом в чью-нибудь вывешенную на просушку простыню. Нередко срывали и веревки, которые тянулись от крыши дома к крыше гаража. Поскольку гаражи были на этаж ниже, то веревки висели не ровно, а с наклоном. Раз и навсегда было установлено правило – пододеяльники и простыни висели ближе к дому, детские вещи, нижнее белье и прочие сорочки – ближе к гаражам.

Перед домом разбили палисадник, и у каждой хозяйки был свой клочок земли. В основном там сажали зелень – укроп, петрушку, лук. Женщины ругались, если мы рвали лук. Лук дети не ели, в него свистели. Разламываешь зеленое перо и дуешь. Абрикосовое дерево, росшее в углу двора, считалось общим, как и яблоня. Плоды не успевали созреть – мы, дети, лопали

зеленые абрикосы и зеленые яблоки. Но абрикосы посыпали песком, то есть сахаром (никто в селе не называл сахар сахаром, только песком, и я до сих пор про себя говорю стакан «песка» или «надо насыпать в сахарницу песка»). Так вот, абрикосы ели с сахаром, а зеленые недозревшие и кислющие яблоки – с солью. Потом, конечно, бежали в туалет, который стоял на задворках, и им пользовались все, кто жил в доме. В квартирах не было санузла, зато имелся кран с холодной водой. Но вода из крана текла тонюсенькой струйкой, и им почти никто не пользовался. Воды для хозяйства требовалось много, а времени, чтобы ждать, пока наберется ведро, у женщин не было. Все пользовались колонкой на противоположном от туалета конце двора. Напор в колонке всегда мощный, только успевай отпрыгивать, иначе будешь мокрый с ног до головы. Воду таскали ведрами. В квартире традиционно стояло два ведра – одно с питьевой водой и чистым (белым) ковшиком, второе – для мытья посуды, пола, рук – с грязным ковшиком (синим в белый горошек в нашем случае).

Мы, дети, дома никогда не пили – всегда бегали на колонку. Даже если дома стояло полное ведро. Попьешь раз, второй – и снова надо бежать набирать ведро вместо того, чтобы играть во дворе.

Что еще имелось в хозяйстве? Тазы разных размеров для разных нужд. Для варенья, для белья, здоровенное корыто, в котором мылись, еще одно корыто, чтобы замачивать белье. В таз для белья, всегда самый красивый, складывали постиранные вещи и выносили во двор для развешивания. У некоторых хозяек на дверях гаражей даже занавески висели.

В нашей квартире была одна большая комната и крошечная кухонька, отгороженная занавеской. Эта занавеска висела здесь и при жизни дяди Шамиля. Остальное имущество вывез, видимо, сельсовет. Остались только два деревянных ящика, в которых на поезде перевозили фрукты.

Это я тоже хорошо помню. Бабушка отправляла маме поездом такие ящики. У кого были свои дома и свои огороды, собирали урожай. Бабушка же покупала фрукты на рынке. В таких ящиках отправляли абрикосы, черешню, вишню, сливу. Обычно договаривались с проводниками поезда. Я все удивлялась – когда я жила у бабушки, она мне запрещала есть фрукты, купленные для отправки в Москву. Зато, когда я жила в Москве, бабушка отправляла эти посылки регулярно, специально для меня. Когда я приезжала к бабушке, то вместе с местными детьми воровала фрукты с чужих огородов. Дома же стоял ящик, полный абрикосов или персиков.

– Не трогай, в Москву отправлю, – говорила бабушка.

– Я же здесь, зачем отправлять? Я здесь могу съесть. – Очень хотелось персика.

Бабушка задумчиво смотрела на меня, на ящики, но все равно не разрешала взять фрукт.

Ящики, оставшиеся от дяди Шамиля, были заполнены его личными вещами – соседи собрали и сохранили. Бабушка строго-настрого запретила мне даже одним глазом смотреть, что в них лежало. Чужие вещи, трогать нельзя. И все десять лет хранила эти ящики, которые стояли на кухне, под подоконником – там, где их и оставили соседи. Бабушка их даже в гараж не вынесла.

Мебель тоже выделила редакция – большой письменный стол и крошечный – обеденный, два стула, кровать с матрасом-сеткой, раскладушка, лампа настольная. На всех предметах стояли печать и номер. Бабушка спала на раскладушке – ей так было привычнее. Люстру бабушка так и не удосужилась повесить – голой лампочки Ильича ей хватало. Впрочем, бабушка не обращала внимания, что у нее над головой, из каких тарелок она ест и на чем сидит. Единственным личным предметом, дорогим ее сердцу и жизненно необходимым, помимо раскладушки, был секретер. Огромный, с откидной крышкой, на прочных держателях. Внутри секретера находился весь бабушкин мир – ее заметки, блокноты, рукописи, чернила, чернильница – она любила писать перьевыми ручками. За чистотой в доме она следила тщательно – мне регулярно доставалось за плохо помытые полы. Бабушка требовала непременно поднимать стулья и ставить их вверх ножками на стол, отодвигать кровать и обязательно отмывать лест-

ницу, ведущую на улицу. Зато в ее секретере царил бардак, в котором только она находила все, что требовалось для работы. Ключ от секретера лежал всегда сверху, ровно посередине. Бабушка не глядя протягивала руку, доставала ключ и садилась работать.

Во время войны она служила фронтовым корреспондентом, поэтому имела привычку входить в любые двери, могла убедить кого угодно в чем угодно. Медали, ордена за заслуги. Талантливая, смелая, резкая, бесстрашная, прошедшая всю войну, глухая на одно ухо после тяжелой контузии. Но к быту была совершенно не приспособлена. Не умела устраиваться и обживаться. Ей не хватало женской хватки, бытовой мудрости. С ее положением и влиянием она могла получить все, что хотела – в районном масштабе, конечно. Но ей и в голову не приходило попросить.

– Мама, где у тебя сковородка? – спрашивала ее дочь, моя мама, когда приезжала и привозила меня.

– Здесь, – радостно отвечала бабушка.

Сковорода обнаруживалась на гуде рукописных листков – она служила грузом, чтобы страницы не разлетались от сквозняка.

– Мама, где набор кастрюль, которые я тебе отправляла?

– Я соседке подарила. Они ей очень понравились. А мне столько не надо.

– Господи, как я тебе ребенка доверяю?

– Что ты переживаешь? Она же не ходит голодная.

Это правда. Я питалась в редакционной столовой, у соседей, в столовой в сельсовете, у тети Бэллы, которая была женой бабушкиного постоянного водителя дяди Эльбруса и считала бабушку гением.

– Так много женщин, которые готовят! Так мало женщин, которые Лермонтов! – восхищалась тетя Бэлла.

К бабушке приклеилась эта кличка – Лермонтов.

Конечно, ей не раз предлагали купить или построить дом. И мама предлагала. Но бабушка всегда отказывалась. Говорила, что дорого, что не сейчас, попозже, что нужно закончить материал, дописать книжку, а вот потом... Наверное, ей было страшно. Перестать быть Лермонтовым, превратиться в обычную хозяйку. Или я не знаю, почему еще... Хотя потом произошла история, которая, мягко говоря, шла вразрез с ее нежеланием иметь дом.

Зимой мы с мамой жили в Москве. У нас в квартире не было телефона, и мама бегала звонить к соседке по лестничной площадке, тете Люсе. Бабушка тоже звонила нашей соседке. Почему мама не поставила телефон у себя, хотя могла сделать это сто раз, я точно не знаю, но догадываюсь. Она тоже боялась. Мама очень хотела вырваться из села, где ее так и не приняли, которое она не любила, где ее осуждали и шикали за спиной. Сколько раз она уговаривала бабушку переехать в Москву, чуть ли не в ногах валялась. Но бабушка отказывалась наотрез. У нее *там* была работа, а *здесь* работы бы не было. А без работы бабушка не могла прожить и дня. Мама не ставила телефон, чтобы не узнать новости. Чтобы не сидеть у телефона и не ждать звонка. Чтобы сердце хоть иногда отдыхало от волнения.

И вот однажды тетя Люся пришла вечером с бутылкой вина и с порога объявила:

– Ольга, поздравляю.

– С чем? – перепугалась мама.

– Как с чем? Твоя мама звонила. Она замуж выходит!

– Люсь, я устала, на работе аврал, еще ты со своими дурацкими шутками, – отмахнулась мама.

– А кто шутит? Поздравляю.

Дальше мама сорвалась, оттолкнула тетю Люсю, влетела в ее квартиру и принялась накручивать диск и орать в телефонную трубку. Вызов нужно было заказывать. И ждать. Бабушку должны были вызвать на почту на переговоры.

– Так, телеграммой быстрее не будет. Надо звонить в редакцию. Люсь, оставь мне ключи от своей квартиры. Я буду завтра с утра ее ловить, – велела мама.

Новость подтвердилась – бабушка решила выйти замуж. За вдовца. Ей было шестьдесят пять. Жениху – семьдесят пять.

– Ты с ума сошла? – кричала мама. – Ничего не делай! Дождись меня! Я приеду и со всем разберусь! Ты меня слышишь?

– Ольга, я уже все решила. Не кричи, я прекрасно тебя слышу. Представляешь, у меня будет свой дом! Настоящий! Ты можешь себе это представить? Уже готовый дом. Не надо ничего покупать и строить! Это же моя мечта! Я видела этот дом! Небольшой, но очень красивый. Две комнаты в доме, летняя кухня, зимняя кухня, огород большой, курятник, палисадник. На Энгельса.

– Мама, где ты и где куры? Зачем тебе палисадник и зимняя кухня? Какой огород? Ты ведь даже картошку копать не умеешь! Что у тебя случилось? Почему так вдруг? Если ты выходишь замуж за дом, то я тебе его построю! Зачем замуж?

– Почему ты так к этому относишься? Разве я не имею права на счастье?

– Мам, ну при чем тут счастье?

– При том. Это то, о чем я мечтала. И, между прочим, Маше будет лучше жить в доме. О ней я тоже подумала. У нее будет своя комната.

– Мама!

– Я научусь сажать огород и разведу розы в палисаднике! Я хочу копаться в земле. Хочу кормить кур! Мне все надоело! Хочу жить. Как все. Понимаешь? Иметь дом! И свое хозяйство! Хочу свой двор и дерево во дворе! Разве я этого не заслужила? Возможно, я смогу что-нибудь написать. Другое. Настоящее. Считай, что это – творческая командировка. Я еду за новыми ощущениями.

– Мама! Замуж – это не «Письмо позвало в дорогу»! Ты с ума сошла? Какие тебе ощущения нужны?

Самый главный вопрос – «кто жених?» – вообще не волновал маму.

Мама тогда плакала. Она еще несколько раз звонила бабушке в редакцию, но та не отвечала. Мы смогли поехать к ней только на майские праздники. И выяснилось, что уже поздно – бабушка перебралась в новый дом, который называла «на Энгельса».

Оказалось, что так называемая свадьба не прошла гладко, о чем маме тут же насплетничали соседки. Поскольку бабушка была против торжественной церемонии и пышного отмечания, то постаралась сделать все в тайне. В селе, где ее знала каждая собака, сохранить тайну не удалось.

Расписала их Ирочка. Так звали главу местного загса и по совместительству – замглавы сельсовета. Ее дочку звали Ирка, и все считали, что это два разных имени. В свидетельстве о рождении, которые сама же Ирочка и была уполномочена выдавать, значилось: у нее – Ирочка, у дочери – Ирка.

Поскольку здание сельсовета выглядело не очень презентабельным, молодоженам там не хотелось даже появляться, Ирочку обычно вызывали на свадьбы. В дом. Присылали за ней мотоцикл с коляской. Ирочка надевала свое черное платье, перевешивала через плечо золотую ленту, собирала документы, брала красивую указку с плетением на конце и садилась в коляску мотоцикла. За свои услуги Ирочка получала вознаграждение – иногда деньгами, иногда мешком муки или кукурузы, иногда ценным подарком – отрезом ткани, комбинацией или комплектом постельного белья.

Бабушка попросила Ирочку прийти к ней на Энгельса. Без мотоцикла и без опознавательной ленты. Только с бумагами. Ирочка не смогла отказать главному редактору газеты, но прическу все-таки сделала, надела свое торжественное платье – не в халате же идти – и поковыляла на каблуках через все село на Энгельса. Почему на каблуках? Потому что под торжественное платье галоши или тапочки со смятым задником не обуешь.

Бабушка пригласила на свадьбу соседей Гагловых, которые вообще по-русски не говорили. И соседей Фарзулиных, которые давно разругались с соседями Гагловыми по причине, которую ни та, ни другая уважаемые фамилии уже и припомнить не могли. Что-то там прадеды не поделили, а что – никто не помнил. Но чтобы соблюсти традиции, семьи друг с другом не разговаривали.

Бабушка еще смеялась, что Гагловым и Фарзулиным надо дать почитать Шекспира. Но Шекспира на осетинском в местной библиотеке не нашлось, а Фарзулины сказали, что бабушкиному Шекспиру не понять всей глубины многолетней обиды.

– Ну почему же не понять? Очень даже понять, – возмутилась бабушка и быстро пересказала содержание пьесы «Ромео и Джульетта». Глава семьи Фарзулиных, Батраз, внимательно выслушал и задал вопрос:

– Шекспир из какого рода?

– В каком смысле? Он из английского рода, – опешила бабушка.

– Вот если бы у него хотя бы дедушка был осетин, тогда бы он меня понял, – ответил

Батраз.

Его жена Фатима вдруг расплакалась.

– Что ты плачешь? – удивился муж.

– Детей жалко, – призналась Фатима, – всегда дети страдают от глупости взрослых.

– Успокойся, у нас два сына и у Гагловых сын, – отрезал Батраз, но Фатима продолжала плакать.

– Что ты плачешь? У нас даже балконов нет! – возмутился Батраз.

– Ты ничего не понимаешь. Это же как сказка. А ты все напрямую. Ты такой... Мария, как это сказать, если он ничего не понимает?

– Черствый.

– Вот! Ты такой, как Мария сказала!

– Слушай, может, я и черствый, а когда твоя троюродная племянница сбежала, как ты первая кричала! Ты тогда про любовь говорила?

– Если бы она хорошо сбежала, в приличную семью, я бы слова не сказала!

Бабушка не позвала на свадьбу даже свою ближайшую подругу Варжетхан, которая считалась в селе главной гадалкой, главной знахаркой и главным специалистом по проблемам бесплодия, рождения мальчика-первенца и мальчика, хотя бы не первенца. Варжетхан гадала на бобах, к ней приезжали из всех окрестных сел и не окрестных городов. Ее боялись и уважали. Некоторые считали ее колдуньей.

– Ты же образованная женщина! Зачем ты поддерживаешь этот миф? – удивлялась бабушка.

– Как это по-русски? Когда твоя душа отвечает за твои болезни?

– Психосоматика, – отвечала бабушка.

– Только мои пациентки не знают такой болезни, зато верят в бобы, магические отвары и колдовство. А мне какая разница? Пусть верят хоть в какашку летучей мыши! Лишь бы это им помогало.

Не пригласила бабушка на собственную свадьбу и еще одну близкую подругу, хозяйку местного кафе Альбину. Никого из редакции тоже не было. Но пока Ирочка ковыляла на каблуках, все село ее, естественно, заметило.

– Ты куда идешь? – спрашивали женщины.

– Никуда, – отвечала Ирочка.

– Да конечно, никуда. Просто так прогулять каблук вышла! – смеялись соседки. – Скажи, куда идешь. Может, нам тоже туда надо?

– Вам туда не надо. Идите, ужин готовьте. – Ирочка переживала, что подвела бабушку и тайная свадьба перестала быть тайной.

– Ирочка, скажи, а зачем ты ленту через плечо не повесила? Мы никому не скажем! – не отставали соседки.

– Не скажу, – бурчала Ирочка, пытаясь быстрее ковылять на каблуках. – Лучше пойди на радио и там объявить, чем вам сказать. По радио и то меньше людей узнают, куда я иду.

Ирочка чуть ли не по кустам добралась до Энгельса и вошла в дом. Села за стол, сняла туфли – ноги натерла нестерпимо – и немедленно выпила араки. Какие только регистрации она не проводила, но бабушкина свадьба была из ряда вон. Все сидели молча. Почти не ели и не пили. Бабушка делала наброски к завтрашнему материалу на каком-то клочке бумаги. Ирочка заполнила свидетельство о браке, молодые расписались. Бабушка вернулась к заметкам, а ее новый муж ушел спать. Гаглоевы попрощались по-осетински и тоже ушли. Фарзулины пытались вспомнить, почему все-таки они с ними не разговаривают, и продолжали обсуждать Шекспира и неравные браки.

Тут вечер наконец перестал быть томным. В калитку вошла целая процессия с Варжетхан во главе.

– Ну и что это вы тут устроили? – спросила ближайшая бабушкина подруга.

– Кто вам стол такой сделал? Это же позор, а не стол! – Оглядев угощения профессиональным взглядом, Альбина шмякнула на землю цинковое ведро, которое держала в руках.

Бабушка оторвалась от своих заметок и радостно уставилась на компанию.

– Что ты веселишься, Мария? – грозно спросила Варжетхан.

– Заголовок удачный придумала, – ответила бабушка.

– Нет, надо было тебе капли дать. Тут не пойми что происходит, а она заголовки придумывает! – ахнула Варжетхан и кивнула Альбине.

Альбина потянулась к ведру. Ирочка очнулась от полудремы.

В селе каждая семья делала домашнюю араку и вино. В каждом дворе на зимней кухне или в теплом гараже, который никогда не видел машины, стояли бутылки, самогонные аппараты, висели шланги. На продажу ни араку, ни вино никто не делал, только для домашнего потребления. И у каждой семьи был свой секретный рецепт. Для вина использовали кувшины, обычные бутылки, даже кефирные, стеклянные. А араку хранили и носили в огромных бутылках на десять литров с длинным горлышком темно-зеленого стекла. Закрывалась бутылка здоровенной деревянной пробкой. Откуда в селе появился запас этих, кажется, медицинских бутылок, было неизвестно. А вот пробки, так сказать, аутентичные, считались ценностью. Обычно пробки делали сами, кто во что горазд. Кто резал из дерева, кто из пластмассы, кто сургучом пытался заклеить.

Эти бутылки, без ручек, переносились для удобства в серых цинковых ведрах. Горлышко всегда торчало – ни скроешь, ни прикроешь. Если кто-то нес цинковое ведро – в ста случаях из ста в нем была бутылка с аракой.

Альбина разлила араку – она была лучшим «виночерпием» в селе. То есть умела так наклонить эту десятилитровую бутылку над рюмкой, чтобы не пролить ни капли. Могла налить в десять рюмок с «одного наклона бутылки» и не оставить ни следа на скатерти. Сейчас Альбина наклонила бутылку и пролила мимо, отчего даже бабушка отвлеклась от мыслей об удачном заголовке и с некоторым недоумением оглядела собравшихся.

– А что случилось? – спросила она.

– Это она нас спрашивает! – гаркнула Варжетхан. – Это ты нам скажи, что случилось, пока я тебя лично не отравила собственными травами! Обещаю, отравлю быстро. Но если ты

сейчас же не скажешь, почему я ничего не знаю, почему Альбина ничего не знает, почему никто в редакции ничего не знает, то ты будешь долго мучиться. Только я пока не решила – то ли от поноса, то ли от рвоты. И еще скажи – что тут делает эта?

Под *этой* подразумевалась Ирочка, которая уже лыка не вязала, а тихонько икала.

– Что ты тут делаешь? – заорала Варжетхан Ирочке.

Та икнула и расплакалась.

Бабушка молчала и разглядывала небо.

– Нет, она все-таки не Лермонтов, – объявила Варжетхан, – она такая дура, что Лермонтов не может быть такой душой.

Конечно, Варжетхан обо всем уже догадалась и просто кипела от ярости.

– Зачем? Зачем тебе это надо? Что ты наделала? Ты о своей дочери подумала? Ты о своей внучке подумала? Она приедет, и куда ты ее приведешь с вокзала? Сюда? Что ты скажешь бедной девочке? А что устроит твоя дочь, ты об этом подумала? Давно в селе не было скандала, о котором потом годами все забыть не могут? Так жди! Сенсация тебе обеспечена!

– Как же я про Ольгу забыла? – пьяно ахнула Ирочка и икнула на сей раз громко.

– А что такого она сделает? – хорохорилась бабушка.

– Ничего такого, конечно, – развела руками Варжетхан. – Тебя она в Терек сбросит, а твоего мужа зарежет, а так, конечно, ничего не будет! Где была твоя голова, когда ты это делала? Почему со мной не посоветовалась?

– Потому что ты бы отговаривать стала. А меня Ольга в Терек не сбросит. Но мужа зарежет, это да, – задумалась бабушка. – Альбина налей еще так, как ты умеешь.

Альбина еще раз исполнила цирковой номер с наливанием араки по рюмкам и опять пролила на скатерть.

– Как ты могла ее зарегистрировать? – продолжала наседать Варжетхан.

Ирочка плакала.

– Как я могла отказать?

– Ты могла бы подвернуть ногу и не дойти сюда! Лучше бы ногу не подвернула, а сломала, я бы лично тебе гипс поставила. Как себе бы поставила. Так нет же, доперлась на своих каблуках, – вопила на все село Варжетхан.

– Что ты кричишь, сейчас все придут, – испугалась бабушка.

А все уже были здесь. В калитку вошла очередная процессия женщин. Мужчины попрятались по домам и сделали вид, что ничего не происходит. Женщин набралось много.

– Что ты сидишь? – гаркнула Альбина на Фатиму Фарзулину, которая чуть ли не под стол забилась. – Предательница! Знала, а нам ничего не сказала, да? Стол такой увидела и ничего мне не сказала, да? Давай вставай, надо людей накормить.

Фатима, младшая из всех оказавшихся за столом женщин, согласно традициям, стала обслуживать гостей под руководством Альбины. Фатима сбегала в «Кафэ-Рэсторан», принесла еды, расставила, еще раз сбегала и еще раз расставила.

Заведение Альбины действительно носило такое громкое и странное двойное название. Возможно, потому, что находилось недалеко от вокзала – ведь в поездах были вагоны-рестораны. Иначе как объяснить тот факт, что отдельное помещение для гостей, не в общем зале, а в комнате или на веранде, называлось «купэ». Посетителей в «Кафэ-Рэсторане» почти никогда не было. А заведение процветало. Если в селе устраивались торжества, «Кафэ-Рэсторан» помогал с поставкой еды. На заднем дворе резали кур, тут же их отваривали. Рядом пеклись пироги. В тазах замешивались соусы для картошки и мяса.

Альбина с бабушкой иногда спорили, что важнее – кафе или газета.

– Твоя газета через сто лет умрет, а мое кафе – никогда! – заявляла Альбина.

– Почему это? – возмущалась бабушка.

– Потому что люди не всегда хотят читать, а есть они хотят всегда! – гордо замечала Альбина и, как показывает история, была права.

Женщины уселись за столом – ели, пили, пели песни, обсуждали, что будет, если Ольга приедет. Каждая строила самые страшные догадки – что дочь Марии убьет ее мужа не кинжалом, а выстрелит из пистолета. Что Марию не сбросят с обрыва в Терек, а насильно увезут в Москву. И еще неизвестно, что хуже для Марии.

Варжетхан продолжала злиться и грозилась напоить бабушку каплями от всего, обещая ей не только понос и рвоту, но и забытье, долгий беспробудный сон и потерю способности писать тексты.

– Зачем ты так злишься? – шепотом спросила бабушка у подруги.

– Потому что это не ты решила, не твоя голова! – ответила целительница. – Зачем тебе понадобился этот замуж? Ты бы сказала, я бы тебе отвар сварила.

Да, Варжетхан знала о природе депрессии и умела ее диагностировать и лечить. У бабушки уже был сложный период, и Варжетхан давала ей свои отвары. Бабушка стала спокойна, не плакала, засыпала, но совершенно не могла работать на этих отварах.

– Я не могу. Если я не буду работать, то сойду с ума, – признавалась бабушка подруге.

– Побочный эффект. Мы снизим дозу. Подберем тебе правильную.

– Нет, я должна быть нормальной. Пусть я не буду спать, пусть буду плакать, но я должна писать. Защити мой мозг. Сделай так, чтобы я могла думать. Помоги мне.

Варжетхан давала бабушке капли, на которых она стояла, писала, ездила, работала. Никто в селе об этом не знал. Это была только их тайна. Как было тайной то, что даже малейшие нервные потрясения оборачиваются для бабушки экземой. Варжетхан смешивала для нее снадобья и продолжала ворчать:

– Ты должна лечиться не наружно, а внутрь. Дай себе отдых. Хотя бы на две недели.

– Нет, я не могу на две недели. Ты с ума сошла? Как газета две недели будет без меня?

– Ничего не случится с твоей газетой, успокойся. А ты умрешь от инфаркта, если сейчас меня не послушаешь.

– Когда умру?

– Я что – святой Георгий? Откуда я знаю?

Варжетхан тогда поставила верный диагноз – она вообще была диагностом от бога. Бабушка умерла от инфаркта...

В новом бабушкином дворе, на Энгельса, уже все напились. Пришла новая порция гостей-соседок с улицы Ленина. И все женщины возмущались – как Лермонтов могла выйти замуж? Зачем? Разве ей было плохо на Ленина? Зачем переехала сюда?

– Все, я так больше не могу! – вдруг встала и объявила Ирочка. Она достала свежий бланк регистрации, только что подписанный, еще чернила не просохли, и торжественно его порвала. Женщины снова выпили и закусили. Пошли танцевать.

– Ты теперь свободна! – объявила Ирочка. – Я так сказала, как представитель власти.

У бабушки так и не осталось свидетельства о браке. Копию в сельсовете, где Ирочка оставила запись заранее, бабушка так и не запросила. Никакой печати в паспорте тоже не стояло. Половина села считала, что порванное свидетельство можно считать разводом, половина – сомневалась. По документам бабушка оставалась свободной женщиной, но в архиве хранилась запись о ее замужестве.

Путаница с документами в нашей семье вошла в традицию. Мама сохранила девичью фамилию, но дала мне фамилию моего отца, которого я никогда не знала. Печать в паспорте о ее замужестве и запись о ребенке отсутствовали. Год рождения перепутан, как и месяц. Фамилия написана через «и», хотя должна писаться через «е». «И» зачеркнуто не очень аккуратно, а сверху приписана кривая «е». Не паспорт – фальшивка.

У моих детей – фамилия моего мужа. Я официально хожу под девичьей. В школе у детей я фигурирую под фамилией мужа. Работаю под псевдонимом. У меня три фамилии в рабочем пользовании. И нигде в паспорте у меня нет записи о моем семейном положении и о наличии детей.

Для села это считалось нормальным. Детей регистрировали тогда, когда становилось нужно, например, идти в школу. Если, допустим, ребенок родился в январе, а родители добрались до сельсовета только в марте, то ребенка регистрировали на март, на то число месяца, в которое родители соизволили явиться. Справки из роддома никому и в голову не приходило требовать. Если родители приходили регистрировать семилетнего ребенка, то ему ставили дату рождения в момент прихода родителей. То есть в первый класс школы шел новорожденный младенец. И все все понимали. У каждого ребенка в нашем селе было два дня рождения плюс именины. Я от этого страдала все детство – ведь у меня был только один день рождения и не было именин – бабушка была яркой атеисткой.

У моей мамы, например, в паспорте стоит дата рождения – июль, но я точно знаю, что она родилась в июне. И мне до сих пор приходится поздравлять ее дважды. Если я забуду про июнь – она со мной не разговаривает и обижается. Если я поздравлю ее в июне, но забуду про июль – та же реакция. Поэтому мы всей семьей звоним ей в июне, в июле и на всякий случай еще и в августе и дружно вопим в трубку – «Поздравляем!» Когда я выбираю подарки для мамы, то всегда делю пакеты – это на июнь, это на июль, а это – на август, на всякий случай.

Иногда паспорта переписывались, делали это в основном мужчины. Приписать себе лишних лет пятнадцать, а то и двадцать считалось чуть ли не традицией. Зачем? Ну, во-первых, получить пенсию пораньше. Но это было не столь важно, а важно получить статус старейшины, к которым относились как к мудрецам. Статус давал и власть – только старейшина принимал важные решения, за ним оставалось последнее слово. Он имел непререкаемый авторитет, почет, высшие проявления уважения, ежеминутную заботу, а также мог позволить себе капризы, самодурство, самоуправство и прочие побочные эффекты абсолютной власти. Бабушку это всегда возмущало. Однажды она оказалась на свадьбе в числе почетных гостей. И среди старейшин увидела Зорайра. То, что Зорайр был ее ровесником, бабушка знала совершенно точно – они проходили реабилитацию в одном госпитале. И бабушка знала не только дату рождения Зорайра, но и все его диагнозы.

– Зорик, ты что тут делаешь? – удивилась бабушка. – Ты что, скамейкой ошибся? И зачем тебе палка? Тебя же не в ногу ранили!

– Женщина, что ты говоришь? – показательно возмущился Зорик, тяжело встал с помощью младшей невестки и пошел в угол двора. Бабушка пошла следом.

– Что ты меня позоришь? – прошипел Зорик.

– Это ты себя позоришь, – рассмеялась бабушка. – Тебе ведь шестьдесят три всего.

– А по паспорту – восемьдесят три! – объявил Зорик.

– Ты с ума сошел совсем? Зачем тебе?

– Надоело быть младшим. Ты не знаешь, каково это. Когда тебя мальчишкой считают. Мой брат всего на два года старше, а я его слушаться должен. Если бы ты была младшей невесткой в семье, тоже бы захотела побыстрее старшей стать.

– А брат тоже паспорт переделал?

– Да.

– Так получается, что он все равно старше!

– Нет. Он только на пятнадцать лет переделал, а я – на двадцать.

– Но все же знают, сколько тебе лет!

– Другие не знают! И очень уважают.

– Ну да, ты так еще долгожителем станешь. Когда тебе восемьдесят стукнет, ты столетний юбилей отмечать будешь.

– И ты про меня в своей газете напишешь.

– Зорик, какой ты дурак, уж извини, что я так со старейшиной разговариваю.

– Ты только это, не кричи слишком громко, ладно? Родственники из города приехали. Ты и так уважаемый человек, хоть и женщина, я тоже хочу быть уважаемым. Тебе жалко, что ли?

– И давно ты старейшина?

– Всего три дня.

– Ладно, наслаждайся властью. Пусть тебе женщины ноги моют, но если ты какую глупость сделаешь или неверное решение примешь, так я тебе быстро про возраст напомню.

Не только регистрации детей, но и свидетельства о смерти выписывались нужным числом, а не по самому факту. Если так было удобно родственникам, то как можно им отказать? Ирочка, которая выезжала не только на регистрации, но и на выписывание свидетельств о смерти, каждый раз боялась перепутать повод. Такой профессиональный страх, появившийся еще в те годы, когда она была молоденькой девушкой и только начинала работать в сельсовете. У нее была старшая наставница – бабушка Сати. Она всю свою жизнь регистрировала браки, записывала младенцев и выдавала свидетельства о смерти.

– Запомни, – наставляла бабушка Сати свою ученицу, – младенцев и покойников запиши так, как просят, а с браками будь осторожнее.

В селе факт официальной регистрации не считался значимым документом. Важнее этой бумажки было объявление в газете, сам факт торжества и свидетельства родственников. В ЗАГС вообще молодые могли не прийти, поскольку сто пятьдесят свидетелей, гулявших на свадьбе, с легкостью могли подтвердить законность союза. Опять же, если старейшины села говорили, что брак был, то это считалось железобетонным доказательством, как сейчас – анализ ДНК. Если старейшины сомневались и не могли припомнить, сколько баранов было зарезано на ту свадьбу, то тут ни один официальный орган не доказал бы законность брака.

Однажды Ирочка перепутала. Ее вроде бы вызывали на регистрацию брака, прислали мотоцикл, а приехала она на поминки. В блестящем платье, с другими бумагами. Хорошо, что бабушка Сати тоже приехала на эти поминки – скончавшийся приходился ей дальним родственником – и застала Ирочку, рыдающую в дальнем углу женской комнаты. Бабушка Сати достала из своей сумки огромный черный платок, бланки нужных документов и отправила Ирочку выписывать свидетельство о смерти.

– Как я могу? – плакала Ирочка. – Он умер месяц назад!

– Напиши сегодняшнее число, – велела бабушка Сати, – покойному уже все равно, каким числом он умер, а родственникам это надо.

– Для чего? Разве это... законно?

– Ирочка, послушай меня, я очень долго живу, делай по-человечески. Кто твой закон проверит? Только людям лишнюю боль и неприятности сделаешь. Думай о живых, а не о мертвых. У нас тут свои законы. И они – поважнее городских бывают.

Ирочка тогда выписала свидетельство той датой, которую называли родственники. Позже, уже официально сменив на посту бабушку Сати, Ирочка сто раз благодарила ее за напутственные слова. Да, в селах свои законы.

В ЗАГС, например, обычно «прибежали» регистрироваться только «недостойные» невесты и женихи. Те, кто хотели избежать огласки. В ста случаях из ста – невеста с женихом хотели обмануть родственников. В большинстве случаев девушка оказывалась беременной и, чтобы скрыть позор, требовался весомый довод. В этом случае официальная регистрация брака родственниками признавалась аргументом. И девушка не считалась опозоренной. Сплошь и рядом случались мезальянсы – родители не договорились, а молодым все равно – у них любовь. Тогда официальное свидетельство тоже имело силу. Родители смирялись и устраивали свадьбу. Иногда в село приезжали пары из города, надеясь на то, что за деньги Ирочка их зарегистрирует сразу же или выдаст свидетельство задним числом.

В своей рабочей сумке Ирочка всегда носила два платья – одно на свадьбы, с блестками, другое на похороны – без блесток. И черный платок, который ей подарила бабушка Сати. После того случая у Ирочки проколов не было. Но она решила сменить местечковые законы и просвещать хотя бы односельчан. Ходила по домам, где родились дети, и требовала зарегистрировать их нужной датой, чтобы избежать путаницы. Все думали, что Ирочка по-своему сошла с ума на работе, а она возмущалась – ведь просто хотела, чтобы у детей была одна-единственная дата рождения. А не две и не три, если учитывать крестины. Ирочка устраивала целое собеседование молодоженам, узнавала, из каких они семей, и давала на размышление не два месяца, как того требовал закон, а полгода. «Липовых» свидетельств о браке она не выдавала – все семьи, которые она зарегистрировала, оказывались крепкими. Появлялись у нее и «краденые» невесты. Ирочка строго просила «жениха» выйти и долго разговаривала с девушкой. Звонила ее родителям и спрашивала, готовы ли они забрать дочь. Она задавала простые вопросы – любишь, не любишь, заставили, не заставили, зачем выходишь замуж? Потом вызывала на собеседование жениха и тоже звонила его родителям – знают они, что сделал их сын? Готовы принять невестку? А у него спрашивала – любит, не любит, зачем жениться хочет.

Именно поэтому Ирочка плакала, когда регистрировала брак моей бабушки. Она знала, что не должна это делать. Позже она признавалась Варжетхан, что в тот вечер совершила «профессиональное преступление», чего не могла себе простить.

Мы с мамой увидели нового бабушкиного мужа только на майские праздники, когда их семейная жизнь была в разгаре. Мне он показался тихим старичком. Со мной он не разговаривал. С мамой тоже – кивнул и скрылся за воротами. Соседки уже толпились на улице, но молча. Все ждали, что сделает мама, и собрались на тот случай, если она все-таки возьмется за кинжал или ружье, или хотя бы за нож.

Мама села на стульчик под деревом во дворе и заплакала. Плакала она минут десять, потом умылась и ушла. Заказала машину дров, машину с щебенкой, машину еще с чем-то.

Дом оказался запущенным, облупившимся. Зимняя кухня выглядела сараем. В летней не было стекол. На огороде – бурьян. В курятнике расхаживали три полудохлых курицы, которых даже резать рука не поднималась.

Внутри дома и того было хуже – грязно, темно. На стенах висели пыльные фотографии в паутине.

– И это дом твоей мечты? – спросила мама.

– Не знаю, – ответила бабушка, разглядывая фотографии на стенах. – Я раньше их и не замечала. Странно, да? А что, совсем плохо? Мне же не с чем сравнивать. Может, можно что-то сделать?

Мама засучила рукава и принялась драить, скоблить, мыть, сдирать старые фото, стирать занавески и затхлое постельное белье.

Наконец, она добралась до дальней комнаты, которая предназначалась для меня. Там стоял бабушкин секретер, было чисто, убрано, в углу разместились два деревянных ящика для фруктов с вещами дяди Шамяля.

– Зачем ты их сюда привезла? – удивилась мама.

– А вдруг наследники объявятся?

Наверное, бабушке было сложно расстаться с вещами, которые хоть и принадлежали другому человеку, но стали ей нужными, привычными глазу.

Именно мама за то недолгое и странное время, что бабушка была замужем, привела дом в божеский вид. Он и вправду стал милым, чистеньким, аккуратным. Свежая побелка, новый забор, новая крыша. На зимней кухне была выложена новая печка. В основном доме тоже – я всегда спала у теплой стены. В курятнике забегали куры и цыплята, появились два петуха. На огороде росла картошка, две грядки с клубникой, две – с луком, одна с петрушкой и укро-

пом, три черешневых дерева, одно персиковое. Появился парник для помидоров и яма для грибов-шампиньонов, которые так любила бабушка. Палисаднику могла позавидовать самая хорошая хозяйка.

Конечно, мама не все делала сама. Она приезжала, платила, нанимала людей, просила проследить, договаривалась с соседками, с тетей Бэллой, Альбиной, Варжетхан. Мама же привезла люстру и два тканых разноцветных половика, о которых так мечтала бабушка. Повесила ковер на стену и положила один на пол – тоже несбыточная мечта и признак немыслимого для бабушки расточительства. Еще она поставила новый телевизор и аж два холодильника – один в зимнюю кухню, другой – в летнюю, отчего бабушка чуть в обморок не упала.

Мама хотела, чтобы она была счастлива, чтобы жила так, как всегда мечтала.

Бабушка и вправду первое время, забросив рукописи, возилась в земле, копала, сажала, пропалывала. Но земля ее не принимала. У нее была тяжелая рука. Ничего не росло.

Потом она переключилась на покраску-побелку. Но задумывалась и оставляла разводы. Столь же быстро ее энтузиазм иссяк в кулинарии – бабушка пыталась варить супы, жарить мясо, но есть это было невозможно. Лучше всего ей удавались пышки, которые она жарила в огромном чане в кипящем масле. Пышек всегда получалось много, слишком много. Но бабушка не умела готовить мало. Тетя Бэлла по-прежнему меня кормила, а бабушка пыталась по привычке в редакционной столовой. Курицы вызывали у нее отвращение, и бабушка подумывала о том, чтобы завести вместо кур козу – она как-то человечнее, ближе, ей можно кличку дать, звать по имени, доить, гладить.

Теперь я жила на Энгельса. Бабушка так и не научилась называть свой новый дом домом. «После школы – сразу на Энгельса», – говорила она. «Забеги на Энгельса, полей огород, потом в музыкалку».

Самое удивительное, что я не помню, как звали бабушкиного мужа. Хотя прожила с ним под одной крышей – с перерывами – несколько лет. Не помню. Почему так? Бабушка его никак не называла. Мама тоже. Я даже лица его не помню. Помню всех соседей по именам, всех своих подружек, всех бабушкиных коллег, а его – не помню, хоть убей.

Бабушкин муж вязал веники. Рядом с курятником у него расположился сарай, как мастерская, где лежали веники разных размеров для продажи, специальные приспособления для вязки под заказ. Размеры и степень жесткости веников имели чуть ли не сакральное значение. Маленькими, можно сказать, детскими, убирали на кладбище. Больше их нигде не использовали. Только смахивать пыль с памятников, выметать мусор от ограды. Эти веники были самыми жесткими. Большие веники на длинной ручке, мягкие, разлапистые, широкие, покупались для паутины – сметать у потолка, у люстры, в углу сарая. На средней ручке и средней жесткости служили для подметания двора. Для двора требовалось минимум три веника – один жесткий, негнущийся, как лопата, другой средний, третий – мягкий. Все три использовались в хозяйстве по очереди. Сначала нужно было смести жестким грязь, прилипшие листья и мусор. После чего средним собрать в кучки листья. И уже мягким завершить уборку, собирая почти пыль. Двор мели каждое утро. Обязательная процедура, как чистка зубов. Не подмести двор считалось позором и страшным преступлением, о котором судачили соседки. К двору прилагался и кусок асфальта за воротами, который тоже требовал уборки. Нельзя было подмести двор и забыть убрать за воротами. Соседки такой галдеж поднимут, что не оправдаешься.

Бабушкин муж считался хорошим мастером. Ему заказывали веники партиями. Мне никогда не запрещалось заходить в его рабочий сарай. И я даже пыталась связать какое-то подобие веника. Кажется, он даже показывал, как нужно счищать зерна с прутьев. Но его самого не помню. И этот дом, где я прожила самые счастливые годы своего детства, был не его, а бабушкиным. «На Энгельса».

Не знаю, что чувствовал этот мужчина после женитьбы на моей бабушке. И зачем ему вообще этот брак понадобился – не знаю. И мама не знает. Наверняка он знал, на что шел. Если

раньше к нему приходили «за вениками», то теперь сначала звали мою бабушку и у нее просили разрешения обратиться к ее мужу. Дом был не ее, но хозяйкой считалась она. Я помню, что бабушка жаловалась Варжетхан, что муж переживает.

– Конечно, переживает! – смеялась знахарка. – Где его мужское достоинство? Ты его себе все забрала! А что он хотел? Женился на Лермонтове – пусть терпит!

Иногда случались и казусы. Поскольку бабушкина редакция следовала за ней, где бы она ни находилась, то люди к ней приходили и в редакцию, и на Ленина, и на Энгельса. Многие сразу шли в дом, не заходя в редакцию. В доме было проще рассказать о случившейся беде, попросить о помощи. Бабушка никогда не отказывала таким «ходокам», всех принимала и выслушивала. В любое время суток. У нее не было выходных дней. Все дни считались рабочими.

Люди стучали в ворота на Энгельса, бабушка открывала калитку и провожала гостей во двор, где специально для таких встреч мама поставила стол, скамейку, несколько стульев. Бабушка предлагала присесть, выпить вина, которое регулярно поставляла ей Альбина. Брала блокнот, карандаш и садилась напротив, в свое кресло.

– Рассказывайте, что случилось.

Гости молчали, что бабушку совершенно не удивляло. Очень сложно начать говорить о проблеме.

– Так, давайте начнем с начала. Откуда вы, из какого села? Как ваша фамилия? Дети есть? Сколько? Где учатся? Как здоровье старших? Чем болеют? Родственники где живут?

Постепенно в ходе такого интервью вскрывались проблемы. Или нужно было помочь с больницей, или вернуть дом, который хотели отобрать родственники. Или восстановить документы прадеду. Бабушка была убеждена, что только такие посетители приносят настоящий материал. Только они расскажут «настоящую историю». Такие посетители рассказывали о проблемах, о которых бабушка и подумать не могла.

Однажды пришли две женщины – свекровь и невестка. И бабушка устроила им обычное интервью – откуда, как, что случилось. Женщины никак не могли раскрепоститься и начать говорить свободно, несмотря на вино Альбины. Бабушка чувствовала приближение сенсации. Она уже дошла до прадедов и уточняла, отчего умерли прабабки. Женщины отвечали четко, разумно, но с некоторым недоумением. Бабушка злилась – она, лучший интервьюер, никак не могла раскрыть настоящую «проблему», которая привела к ней этих двух женщин. Она заходила то с одной стороны, то с другой, и все никак. Уже и про детей спросила, и про огород, и про виды на урожай – без толку. Женщины отвечали складно и равнодушно. Бабушка уже готова была поставить на себе крест – с ее-то опытом не почувствовать скрытой проблемы, не узнать, что по-настоящему волнует женщин!

Спустя почти час невестка не выдержала:

– Почему вы у нас это спрашиваете? Разве вам нужно знать, как родился мой младший сын?

– Конечно, нужно! – с энтузиазмом ответила бабушка.

– Разве веникам не все равно? – уточнила невестка.

– Каким веникам? – не поняла бабушка.

– Обычным веникам, – настаивала невестка, хотя свекровь ее одергивала, – мы за вениками пришли.

Бабушка бросила ручку и блокнот.

– Почему вы сразу не сказали? – возмутилась она.

Женщины не знали, как ответить. Они решили, что для веников очень важно знать, во сколько лет вышла замуж двоюродная тетя невестки и от чего умерла родная тетка свекрови.

– Тьфу ты, – сказала бабушка, – вам туда, в сарай.

Бабушка указала направление. Женщины посоветовались шепотом, извинились и ушли. Они не стали заказывать веники.

После этого случая бабушка решила, что женщины знают этот дом по имени мастера веников, и сразу отправляла гостей в сарай, где ее муж показывал образцы, развешанные под потолком. Вот этот для паутины, этот для двора, этот и для угля подойдет, а этот – пусть не такой маленький, но для кладбища – самое оно. Женщины смотрели на веники, слушали лекцию, как их надо вязать, и... заказ не делали.

– Почему вы без веников? – спрашивала бабушка.

– Зачем нам веники? Мы пришли о проблеме рассказать. Если надо веник купить, чтобы объявление сделать, то нам не надо.

Женщины уходили обиженные.

Бабушка не знала, как совместить свою работу с работой мужа. Она спрашивала совета у Варжетхан, но та пожимала плечами.

– Не переживай. Просто спрашивай сразу, кого хотят посетители – Марию или веники.

– Звучит странно, но, боюсь, это единственный способ.

Очень скоро по селу и окрестностям прошел слух, что Мария не любит, когда к ней приходят за вениками, а любит, когда приходят как в редакцию. Бабушкин муж лишился заказов. Веники в селе вязали многие, а Лермонтов был один. Бабушкин муж продолжал вязать свои веники, вывозил на рынок на продажу, но и там к нему подходили, брали веник в руки и спрашивали, когда можно застать Марию дома. Бабушкин муж перестал появляться на рынке. Он вязал веники для дома, которыми бабушка никогда не пользовалась. Мама привезла ей в подарок пылесос. Бабушка включала агрегат, возила по половику и думала. Под звук пылесоса ей хорошо думалось. Потом она вытаскивала пылесос во двор, снимала насадку и сдувала листья куда придется. Сейчас такой системой пользуются во всех парках, а тогда бабушку считали сумасшедшей. Веники для пыли бабушкиного мужа были покрыты слоем пыли. Венички для кладбища стояли нетронутыми – у бабушки не было близких, похороненных в селе. Веники для двора разной жесткости с отполированными ручками стояли для красоты на видном месте у забора, как предмет интерьера. Бабушка ими так и не воспользовалась.

Меня иногда наказывали «подметанием двора», но из этого ничего хорошего не выходило. Я сметала листья и мусор в одну кучу, разбрасывая все по двору. Тетя Бэлла пыталась научить меня подметать – делать несколько кучек, а потом собирать все в совок. Но я упрямо стремилась сделать одну кучу. Листья летали по всему двору.

В основном доме был чердак с крошечной дверкой. Однажды я туда залезла. И нашла там вещи. Я прекрасно помнила про запрет бабушки прикасаться к чужим вещам, но любопытство оказалось сильнее. В старом чемодане лежали женские платья. В еще одном чемодане – детские. В коробке – игрушки. Я рассматривала чужие платья, кукол, мишек, деревянное ружье и гадала, кому они могли принадлежать. Умершей жене? Ее детям? Или внукам? Почему их не выбросили бабушка или мама?

Спросить об этом у меня не получилось. Когда я вылезала с чердака, напоролась рукой на осиное гнездо. Да еще и с лестницы свалилась. Бабушка вместо того, чтобы меня пожалеть, отлупила полотенцем – зачем полезла на чердак? А если бы шею сломала? Так что про находки я решила молчать, чтобы не досталось еще больше. Но я часто думала – кто жил в этом доме до меня? Кто играл в эти игрушки? Девочка или мальчик? И где они сейчас? А они считаются нашими родственниками? А если они приедут, то мы с бабушкой должны будем уехать на Ленина или в другое место? Я часто бегала на Ленина. Скучала по своему двору, по ударам мяча по асфальту, по водопроводной колонке. Бабушка мне не запрещала.

Наверное, тогда я поняла, что дома нет и не бывает. Нет такого места. Сегодня дом есть, а завтра его нет. Да, будет другой дом, но это тоже будет не дом, а очередной адрес. Потому

что всегда может прийти кто-то и прогнать. Я тогда стала плаксивой – бабушка поила меня травами и списывала мое состояние на падение с лестницы и ос.

Бабушка тоже стала другой. Мама всегда была серьезной, сосредоточенной. У нее появилась глубокая складка между бровями, будто она всегда сердится. Но я знала, что она не сердится, а думает. Бабушка же была смешливой, легкой, с гладким лицом, которое я считала самым красивым на свете.

Бабушка ходила хмурая, подолгу сидела у меня в комнате над своим секретером. Я засыпала под скрип ее пера по бумаге и стук о баночку с чернилами.

– Бабушка, ты чего? – спрашивала я.

– Не пишется, – отвечала она. – Не могу работать. Совершенно. Мне здесь не пишется! Ты не понимаешь. Не можешь понять. Не мое это место. – Она раздраженно хлопала крышкой секретера.

Это я понять могла. У бабушки были места, где ей писалось. На Ленина ей писалось прекрасно – она открывала окна, чтобы был сквозняк, придавливала листы чугуновой сковородкой и иногда выходила на кухню «продышаться» – садилась на ящики с вещами дяди Шамяля и думала, уставившись в невидимую точку перед собой, забывая про свистящий чайник. Чайник свистел, пока соседка не заходила и не снимала его с газа. Бабушка даже не замечала, что в дом кто-то заходил.

Ей прекрасно писалось в редакции. По вечерам, когда все уходило. Окно ее кабинета выходило на старое мусульманское кладбище – даже забор был общим. И бабушка разглядывала в окно стелы, обращенные на восток, и думала. Она пила чай из граненого стакана в подстаканнике, грызла баранки, лежавшие на общем блюде, и работала. Иногда в кабинет заходил дядя Эльбрус, который курил сигареты «Казбек». Это была их дежурная шутка: «Эльбрус закурил Казбек». Две главные горы, два мужских имени – Казбек, ласково Казик, и Эльбрус – Брусик. Но тетя Бэлла звала мужа Элечкой, и это звучало очень трогательно и нежно.

Бабушка, прошедшая всю войну, так и не научилась курить и пить что-то крепче вина. Но ей нравились запахи крепкого дешевого табака и домашней араки. Эльбрус всегда курил в бабушкином кабинете. Она его даже не замечала.

Кстати, своего водителя бабушка называла полным именем. Она и свою дочь, мою маму, звала полным именем, еще когда та была младенцем. Не Олюней, не Ольгушей, не Лелей, только Ольгой. Представляете – звать младенца Ольгой? Зато у меня было много имен: для мамы – Марго или Маргарита, для бабушки – Маня, для соседей – Дидина, что означало «цветок», «цветочек». Я отзывалась на все, кроме одного – Мария. Мария была одна. Моя бабушка. И это имя, полное, нужно было заслужить. А я оставалась Дидиной, внучкой уважаемой Марии, дочкой падшей Ольги.

В общем, в новом доме бабушке не писалось. На работе она уже не могла задерживаться – замужняя женщина должна была идти к мужу. И бабушка отбрасывала с раздражением лист за листом. Ничего. Просто ступор. Она искала себе место – усаживалась то на зимней кухне, то на летней. Но никак. Она даже стул не могла себе подобрать. Старый, с Ленина, она сдала сельсовету, а попросить назад не решалась.

Я видела, что бабушке плохо. Она часто держалась за сердце, пила капли. Мама стала привозить лекарства – тоже видела, что бабушке нехорошо.

– Что сделать? Скажи. Что ты хочешь? – спрашивала мама.

– Ничего. У меня все есть. У меня же есть свой дом. Нужно просто приспособиться, – отвечала бабушка.

На зиму мама забирала меня, а иногда и бабушку, в Москву. Но после своего замужества бабушка отказалась ехать в столицу. Когда мама сидела на кухне с тетей Люсей, я подслушивала их разговоры.

– Она не пишет, ей от этого плохо, – говорила мама соседке. – Я хотела ее сюда забрать. Но она отказывается наотрез. Что мне делать?

Тетя Люся пожимала плечами. Она не понимала, что такое «пишется» и «не пишется».

Бабушка, как выяснилось позже, тайно вернулась в свою редакционную квартиру. Квартиру дяди Шамяля. И работала там. Домой приходила ночевать. И то – не каждую ночь. Все в селе об этом знали. В случае происшествий и важных звонков бабушку сначала искали в редакции, потом на Ленина и только потом шли на Энгельса.

Частный дом предполагал безостановочную работу по хозяйству – наколоть дрова, растопить печку, прополоть грядки, растопить еще одну печку, чтобы приготовить еду. Наносить воды, накормить живность, убрать, еще раз убрать, еще раз накормить живность и наносить воды, еще раз растопить печку. Летом печку топить не требовалось, зато прибавлялось работы на огороде – картошка, грядки, сорняки, урожай, сорняки, грядки и так по кругу. Бабушка физически не могла заниматься бытом. От усталости она не писала. Даже читать не могла, что ее раздражало. Под вечер бабушка падала плашмя и засыпала. Быт убивал творчество. Бабушке пришлось выбирать, и она выбрала работу, поэтому сбежала на Ленина, в квартиру, где были батареи и не было огорода.

Мама терпела. Ждала, когда умрет бабушкин муж, как бы его там ни звали. Но первой умерла бабушка. Мы тогда жили с мамой на Севере. Не дом, очередной адрес. Темный мрачный городок, где была улица Солнечная, улицы Закатная, Радужная, Теплая. Мы жили на Солнечной. Мама говорила, что попала в ад.

Она не сказала мне, что бабушка умерла. Уехала, будто в командировку, оставив меня на попечение соседкам. Я догадывалась, что бабушки больше нет, – мама вернулась почти совсем седая, с обстриженными волосами. Седой короткий ежик вместо густых черных волос до плеч. Складка между бровями залегла так глубоко, что уже не разглаживалась. Мама даже не плакала. Она заморозилась. Я знала, что это такое – пока мамы не было, я отморозила себе руки. Снаружи ничего не чувствуешь, а внутри тебя колет иголками так, что хочется оторвать конечности. Ты трогаешь рукой палец, а пальца нет. Внутри же все взрывается тысячью, миллионами уколов. Мама тогда была такой. Сверху она ничего не чувствовала, а внутри горела от боли.

Мама рассказала мне о смерти бабушки спустя два года.

– Я знаю, больно – это не когда ноет или тянет, когда горит – это больнее всего.

Мама кивнула.

– А где секретер и ящики дяди Шамяля? – спросила я. – Ты их не забрала?

– Думала, успею. Потом заберу. Не могла тогда, после похорон, сил не было.

Не прошло и двух месяцев со смерти бабушки, как ее муж женился снова. На женщине, которая была младше его на тридцать лет. Эта женщина не стала церемониться с вещами предыдущей покойной супруги, складывать их на чердак или в ящики. Она вывезла все на пустырь и сожгла. В этом костре сгорел и секретер бабушки, и ящики дяди Шамяля, которые она так трепетно хранила. Тетя Бэлла с дядей Эльбрусом вытащили из костра только папку с бабушкиными рукописями. Ее единственную книжку про совхоз имени Ленина, которой она так гордилась, сохранила Альбина. Подушечку с орденами и медалями забрала Варжетхан. Эльбрус из уже полюбившего костра смог спасти несколько фотографий, где бабушка со мной – на первомайской демонстрации, в редакции, и на вручении очередной медали. Все это они отдали маме, а мама отдала мне. Я хранила эти папки вместе со своими учебниками и тетрадями. Теперь храню вместе с фотографиями моих детей, их первыми рисунками и каракулями в прописях.

У меня есть дом. Я строила его по кирпичику. Больше всего на свете я хотела иметь свой дом, с постоянным адресом. Настоящий, раз и навсегда. Один-единственный. В котором я буду первой и последней хозяйкой. Из которого меня никто и никогда не сможет прогнать. Я говорю

своим детям: «Бегом домой. Скорей бы домой. Надо убрать дома». Это я сделать смогла. Но когда мне больно – у меня не ноет, не тянет, не колет. У меня внутри все горит.

Это были еще цветочки

С цветами у меня никогда не складывались отношения. Я пыталась, но все бесполезно. Никогда у меня не будет на балконе прекрасной оранжереи. Никогда я не буду выбирать горшки и пересаживать в них цветы. Из всех растений у меня прижился только лавровый лист – уже нанизанный на нитку. Связка висит на стене кухни в качестве полезного аксессуара – и красиво, и можно оторвать листик и бросить в суп.

Этим летом я оказалась в чудесном доме, где нам позволили провести отпуск. Сад был прекрасен. Мушмула, апельсиновое дерево, роскошная пальма, ухоженные кусты. Цветы в кадках, без кадок, розарий. Главной достопримечательностью сада и главной ценностью считалась герань. Хозяева дома попросили ухаживать за ней. Цветок, подаренный маленьким росточком, вырос до размеров почти куста и недавно отметил тридцатилетие. Эта герань была дорога хозяевам дома. Собственно, ничего сложного делать не требовалось – поливать сад раз в день, переставить герань в тень на специальный постамент и тоже поливать из специальной лейки. Да, еще розовый куст, роскошный, цветущий, тоже переставить и поливать. На время отсутствия хозяев цветы в горшках были переставлены в специальные места, и к ним подведены крошечные шланги, любовно уложенные хозяйкой прямо в горшки.

Если честно, у меня началась паника. Я не переживала, что дети перебьют чашки или бокалы – они их давно не бьют, не переживала, что мы что-нибудь обязательно ломаем, поскольку всегда что-нибудь ломаем. Я переживала за герань. За то, что загублю сад.

Тут я должна объяснить. Я знаю, как называется любая часть туши в говядине, и могу отличить один кусок от другого и даже сказать, сколько лет было той корове, когда она умерла. Я умею определять свежесть рыбы по глазам этой рыбы. Я много чего умею делать. Но в цветах не понимаю ровным счетом ничего. Лилию от флоксов не отличу. Олеандр я знаю только потому, что одна из моих соседок по летнему отдыху объявила, что он ядовитый. До этого мы с дочкой спокойно его рвали, ставили в вазы и украшали цветами прически.

Переставленная герань была щедро полита, но ей явно чего-то не хватало. Под крошечным шлангом она выглядела лучше. Я даже сфотографировала ее, чтобы следить за изменениями. Я прочитала все, что нашла в интернете про герань и уход за ней. Но мое сердце лежало к кусту мушмулы, который я поливала из шланга. И к кустам неизвестного мне растения, которые вдруг зацвели. Герань выглядела уныло.

Через два дня я запаниковала. На цветке появилось несколько желтых листиков, а единственный цветок завял.

«Ладно, если что – покрасим и приклеим цветок», – сказала я сама себе.

Но вдруг вспомнила, что есть понятия «тяжелая рука» и «легкая рука». У нас в селе это называлось «зеленая рука». Когда я жила у бабушки, считалось, что у нее тяжелая рука, а у меня легкая. И наш палисадник, запущенный до крайней степени, поливала и пропалывала именно я. Опять же считалось, что если я прополю грядки клубники, то ягоды будут сочными и крупными. А вот колорадского жука с картошки собирала бабушка – после одного ее прохода по грядкам жук там больше не заводился. Правда, и картошка всегда была мелкой.

– Сима, полей цветок, пожалуйста, – попросила я свою восьмилетнюю дочь.

Она взяла лейку и стала поливать. Ей очень понравилось возиться в саду, и она поливала не только герань, но и все остальные цветы и растения. Через три дня герань пришла в себя и выдала один цветок.

У бабушки был худший палисадник на улице – она к цветам относилась равнодушно, любила только «петушки» – растения на длинных стеблях с ярко-красными цветами, похожие на петушиный гребень. Как они называются правильно – я не знаю и не хочу знать. Для меня они останутся «петушками». Еще она любила пионы. Не сами цветы, а запах. Самые лучшие

пионы росли на клумбе перед Домом культуры на центральной площади села. Бабушка забиралась в клумбу, срывала себе один цветок и несла в дом. Каждый вечер. Все знали, что пионы срывает бабушка, и никто ей ни слова не смел сказать. Еще она любила ромашки. За ними мы ходили вдоль железной дороги и обрывали сами цветы, которые потом высушивались и шли на отвары для густоты волос, антисептика, от бессонницы и еще миллиона заболеваний. В ромашку бабушка свято верила. Она мечтала, чтобы на ее участке тоже росли ромашки, и пыталась их посадить. Но у нее в огороде они не приживались.

– Разве я хуже железной дороги? Почему там растет, а у меня не растет? – возмущалась она.

На границе участков соседки обычно высаживали кусты вдоль забора-сетки. У кого-то была малина, у кого-то смородина, но самыми лучшими хозяйками считались те, кто выращивал вдоль сетки кизил. Кизиловое варенье – главное лакомство моего детства, а ягоды – кислые, вяжущие – я до сих пор ем горстями. Покупаю себе лоток и съедаю. Благо дети не претендуют. Они вообще не понимают, как я могу есть кизил. Они вообще ничего не понимают, хотя я старалась привить им вкусы, запахи, ощущения моего детства.

Однажды сын поехал со мной на рынок – помочь с сумками.

– Мам, а что это за ягода, которая похожа на маленький арбуз? – спросил он.

Я стала дико оглядываться на ряды с ягодами. Ничего похожего не обнаружила.

– Покажи.

Вася ткнул пальцем в... крыжовник. Обычный крыжовник. Я чуть в обморок не упала. И вечером начала проводить инструктаж.

– Что это за трава? – спрашивала я.

– Не знаю.

– Это тархун!

– А нормально как? По-научному?

– Эстрагон. Но это тархун!

Кинзу сын определить смог, а шпинат от щавеля не отличил. Вечерний квест продолжался. Желтый цветок, он же имеретинский шафран, который я обожаю, оказывается, называется «кардобенедикт», как сообщил мне ребенок, сверившись с Гуглом. Но он не знал, что такое ботва! Как такое возможно? Я же пекла ему пироги со свекольной ботвой – любимый пирог моего детства.

Моя дочь называет нават исключительно «фруктовым сахаром». Она пьет с ним чай – ей нравятся кристаллы, которые не сразу растворяются. А для меня это было лакомство и средство лечения. Его в нашем селе из виноградного сока варил сосед-узбек. На московском рынке, где я искала этот сахар, его называют чуть иначе – наво́т. Если я попрошу «фруктовый сахар» – меня никто не поймет. Я в детстве объедалась мушмулой, тутовником и инжиром. Мои дети это не едят. А тутовник – в глаза не видели. Когда я обнаружила на рынке петуха, то завопила от радости на весь павильон. Бульон из петуха – что может быть вкуснее? Сын с ужасом смотрел на тушку, уже очищенную, завернутую в пленку. А я-то в детстве петуха ошпаривала, ошпыливала и потрошила. И знаю, что петушиные мозги – самое вкусное, что есть в тушке. Ножом аккуратно надавить и высосать содержимое крошечной коробочки.

Мои дети не умеют свистеть в лук – брать зеленый стручок, разламывать и свистеть, пока не начнет щипать губы. Не знают, что початок кукурузы превращается в куклу, если отогнуть листья. И у них крыжовник – маленький арбуз!

Про цветы и растения я вообще молчу. Недавно муж принес мне букет ирисов. Сын с интересом взглянул на букет и сказал: «О, какие необычные тюльпанчики». Я онемела от возмущения.

Тюльпаны бабушка не очень любила, но перед зданием ее редакции была высажена целая клумба. Они были огромные, мясистые, яркие. С тюльпанами ходили на демонстрации по слу-

чаю Первомай. На Девятое мая – уже с гвоздиками. Ни один мужчина не посмел бы подарить женщине тюльпаны в знак любви. Только розы. Много роз. Огромный букет. Чем больше, тем лучше. Мой муж как-то подарил мне пять роз, и я долго плакала. Неужели он меня любит всего на пять роз? В нашем селе считалось, что мужчина любит настолько, насколько большой букет он преподносит. Язык цветов в нашем селе имел огромное значение. Учителям в школу всегда приносили сирень. Гладиолусы вообще не считались цветами. Очень ценились «ноготки», как называла их бабушка, или бархатцы. В палисадниках их всегда высаживали и потом делали настойку, которая вроде бы лучше всего помогала при артритах. Травы ценились больше цветов. Полынь, чабрец, шалфей считались лучшим подарком.

У бабушки на границе участка росла крапива. Это была даже не крапива, а крапивище. Просто чаша крапивы. Двухметровые кусты. Поскольку крапива служила главным орудием наказания – если девочка плохо развесила белье или не уследила за вареньем, то ей по попе доставалось или мокрым вафельным полотенцем, или крапивой. Я предпочитала крапиву – жжет сильнее, чешется, но проходит быстрее. От полотенца еще ночь будешь на животе спать. Иногда на нашем участке появлялась соседка и показательно срывала несколько стеблей. Она не успевала выйти из наших ворот, как у нее дома царил идеальный порядок. И было развешено белье. И накормлены куры. И двор подметен.

Бабушкина крапива считалась не только самой «болючей», но и самой лечебной. Я помню, как к бабушке приходила Варжетхан, голыми руками срывала несколько стеблей, усаживалась на стульчик во дворе и хлестала себя этой крапивой по ногам. Считалось, что крапива лечит от ревматизма и заболеваний суставов.

Сама Варжетхан в своем палисаднике выращивала кактусы. В нашем селе кактусов не было и в помине. Никто и не знал такое растение. Где Варжетхан брала кактусы – неизвестно, но они у нее разрастались до размеров пальмы. Был один кактус, который дорос выше крыши – тонкий, колючий росток, прислонившийся к шиферу. Бабушка часто отправляла меня к Варжетхан с поручениями, и я каждый раз с ужасом проходила мимо палисадника знахарки. Да и все остальные женщины, которые ходили к Варжетхан, пробегали мимо палисадника пулей. Там росли кактусы разных размеров и разных форм. Разлапистые, с мелкими колючками и с крупными. С шапками вместо цветов и без. Варжетхан своим палисадником наводила ужас и не оставляла сомнений в том, что она настоящая колдунья, которая может предсказать будущее, нагадать сына и отварами вылечить от любой женской хвори.

Для своих секретных снадобий Варжетхан использовала бабушкин палисадник, о чем никто не знал. У бабушки рос огромный цветок алоэ, к которому вообще никто не имел права приближаться. Там же росли другие лечебные травы, неприметные, куцые с виду.

– Почему ты у себя их не выращиваешь? – удивлялась бабушка.

– У меня репутация, а тебе, с твоей тяжелой рукой, уже все равно, – смеялась знахарка.

Бабушка все-таки не могла смириться с тем, что у нее тяжелая рука, и не оставляла попыток заняться садоводством. Она попросила маму прислать ей семена из Москвы. Самые лучшие. Мама, ничего не смыслившая в цветах, просто поехала на рынок в Подмосковье, где бабули торговали семенами, и набрала всего понемногу. Тогда ярких одноразовых пакетиков, с описанием цветка и инструкцией, как за ним ухаживать, не было. Поэтому мама отправила в посылке несколько газетных кульков, в которые ей щедро отсыпали не пойми чего.

Бабушка, как и все в те годы в селе, была уверена – если что-то привезено из Москвы, то обязательно это что-то будет хорошим. Все соседки собрались и рассматривали семена. Все как одна заявили, что таких семян сроду не видели, хотя вроде бы очень похожи на местные. Но, конечно, если из Москвы, то обязательно экзотические. Сажать семена бабушке помогали тоже все соседки – уж очень им хотелось увидеть невиданные цветы, а то у Марии еще и не вырастет ничего. Первой взошла непонятная трава. Соседки удивлялись – трава странная. На цветы

совсем не похожа. Когда трава достигла приличного уровня, одна из соседок, не удержавшись, сорвала пучок, растерла на ладони и попробовала.

– Это ж укроп, только мелкий, – объявила она.

Тут же все соседки стали рвать траву и хохотать – укроп, только какой-то странный. Неужели в Москве такой укроп едят? Его ж даже в салат не положишь. Только детям, чтобы в суп играли – насыпать песок в формочки, присыпать травой и кормить кукол. Над «мэлким» укропом потешались долго и с нетерпением ждали остальных всходов.

Следующими проклюнулись странные ростки, стелившиеся по земле. Они быстро выдали неприглядные цветочки. Как называется цветок, никто не знал. Но поскольку вид растение имело жалкий, то про него быстро забыли.

– Что это? – спросила бабушка у Варжетхан, которая знала про все неприглядные травы и цветы.

– О, это же бегония! – восхитилась бабушкина подруга.

– А почему она такая... страшная?

– Не туда посадили. На самое пекло. А так она красивая. Мне нравятся бегонии.

– А мне нет. Надо мной уже все соседки смеются!

Когда стал проклевываться еще один росток, бабушка не стала рассказывать об этом соседкам, а сразу побежала к Варжетхан за консультацией. У дома знахарки стояла очередь из клиенток – кому погадать, кому отвар дать, и она была занята.

– Я тебе что, природоведение? Сходи в школу и возьми учебник. Там про цветы читай! – отрезала Варжетхан.

Бабушка пошла в сельскую библиотеку и взяла все имевшиеся в наличии книги про цветы. Первым делом она нашла иллюстрацию с бегонией. С книжкой в руке она подошла к грядке и стала искать хоть что-то общее. Общее, несомненно, имелось – строение и форма листьев, однако то, что бабушка видела на картинке, можно было назвать бегонией. А то, что она видела у себя в палисаднике, – нет. Какая-то... недобегония. Даже дети для игры не сорвут.

Но оставалась еще призрачная надежда на тот самый, еще один проклюнувшийся росток. Определить по листьям, что это за цветок, бабушка не смогла. Но образец уверенно рос, даже быстрее, чем ожидалось. И вскоре достиг очень даже приличных размеров. С виду цветок выглядел странно – какая-то палка. Бабушка снова разочаровалась и поливала его, скорее, по привычке. Росток превратился в маленькое деревце, размером с вишню. Так, во всяком случае, описывала его бабушка. Что из него может вырасти, она и предположить не могла.

Зато вдруг, под осень, зацвели флоксы. То, что это флоксы, сомнений не было никаких. Бабушка с тоской смотрела на цветы. Судя по энциклопедии, они должны были пахнуть медом, но они не пахли медом, скорее наоборот. Бабушка считала, что они пахнут... туалетом. Точнее, выгребной ямой. Видимо, у нее была какая-то индивидуальная непереносимость запахов, как иногда бывает с лилиями – кому-то нравится, а кто-то с ума сходит от отвращения.

Так вот, у бабушки такое возникло с флоксами, которые, как назло, цвели пышным цветом, разрастались и вызывали зависть соседок. Те приходили смотреть на флоксы и восторжались запахом. Вот эти цветы – точно московские. Так пахнут, так цветут!

Бабушка уходила на задворки участка, где чудом зацвела ромашка, которую бабушка еще год назад без всякой надежды на успех щедро разбросала где попало. Теперь она смотрела на ромашку и чуть не плакала. Какой из нее садовод-любитель, если она готова взять тяпку и выкорчевать все прекрасные флоксы, лишь бы они уже не пахли. Отчего-то флоксы были посажены в том месте палисадника, куда выходило окно бабушкиной спальни. И запах преследовал ее и днем и ночью.

Ночью бабушка вооружилась тяпкой и выкорчевала все кусты флоксов. Безжалостно. Все списала на меня, внучку. Мол, забежала в палисадник, играя в прятки, и все потоптала. Я пыталась возражать, но бабушка выдала мне рубль на кино и мороженое, так что я покорно

стояла, повесив голову, и слушала от соседок причитания, что я пошла в мать и никогда не выйду замуж в селе. А буду жить в городе и есть «мэлкий» укроп.

Каково же было удивление соседок, когда торчащая в палисаднике палка оказалась георгином. Как она смогла вырасти такой здоровенной, никто понять не мог. Георгины бабушка просто ненавидела. Когда палка зацвела георгиновыми цветами, она расплакалась и пошла жаловаться Варжетхан.

– Это она специально прислала мне семена, которые я не люблю, – объявила бабушка, имея в виду свою дочь.

– Вот уж сомневаюсь, – рассмеялась Варжетхан, – Ольга в цветах меньше тебя понимает. И вообще, зачем тебе цветы?

– Всегда хотела заходить в собственный сад и срезать цветы, ставить их в вазу. А потом срезать новые. Чтобы каждый день у меня были в доме свежие цветы в вазе.

– Ты и так пионы рвешь, тебе мало?

– Я хочу собственные пионы рвать. В собственном палисаднике. Варжетхан, посади мне что-нибудь, я тебя умоляю. Ты же можешь. Ну хоть однолетние какие-нибудь цветочки. Пусть у меня хоть один сезон цветы будут.

Так, с легкой руки Варжетхан и, как считали соседки, не без применения заклинаний у бабушки появились розовые кусты. Несколько штук в палисаднике и один за туалетом. Тот, который за туалетом, выдавал особенно красивые бутоны. Впрочем, розы в палисаднике хоть и были помельче, но не менее красивые. Бабушка их не срезала, а всячески оберегала – и сухие листья подрезала, и поливала.

У мамы тоже была тяжелая рука. Но я помню, что у нас всегда стояла фиалка на окне. Обычный цветок, подаренный кем-то из гостей. Мама эту фиалку то заливала водой, то засушивала, то сбрасывала в нее пепел, промахиваясь мимо пепельницы, но фиалка цвела. Никакие другие цветы в доме не приживались. Фиалка, пережив засуху, наводнение, отравление табачным дымом, заморозки (мама как-то оставила на время отъезда открытую форточку), умерла не своей смертью.

Соседка тетя Люся оставила нам на хранение, или, как теперь принято говорить, «на передержку», своего кота Максика. Чем думала тетя Люся, прекрасно знающая мою маму и ее любовь к цветам и животным, я не знаю. Возможно, она рассчитывала перевоспитать Максика, который был наглым котярой, метил все вокруг, гадил в тапки, ел только хек и говядину и измотал тетю Люсю своим поведением. Мама честно отказывалась взять Максика на воспитание, но тетя Люся не стала ее слушать. Она уехала в Крым. Ей было все равно. Она мечтала о Крыме последние пять лет, и даже любовь к Максикку не могла ее остановить. Надо же было такому случиться, что спустя два дня после отъезда тети Люси, в течение которых кот пометил все мамины туфли, исцарапал обивку на кресле и воротил нос от хека, маму отправили в срочную командировку. Меня, как и Максика, на время маминых командировок тоже отправляли на «передержку» или к бабушке, или к друзьям. Или к друзьям друзей.

Мама быстро нашла для меня временное пристанище (дети вызывают большее сочувствие, чем животные), но Максика, о несносном поведении которого мама успела рассказать в подробностях всем близким и дальним знакомым, брать никто не хотел. И уж тем более кормить его хеком и говядиной.

Маме ничего не оставалось, как оставить Максика одного в квартире. Из всего живого там была только фиалка. Но фиалка привыкла к разгрузочным дням и аскетичному образу жизни, так что даже не рассчитывала на то, что ее отдадут в добрые руки.

Мама завалила кухню хеком – отварным и мороженым, набросала в тарелку колбасы и старых сосисок, налила воды в супницу, чтобы Максик не умер от обезвоживания, и уехала в командировку.

Командировка затянулась. Тетя Люся прислала телеграмму, что тоже задерживается еще на неделю. А может, и на две. Друзья друзей готовы были меня удочерить еще хоть на год. Так что все складывалось удачно. Только не для Максика и фиалки. Про них все забыли напрочь, включая законную хозяйку кота, которая даже не спросила, хорошо ли Максик кушает хек.

Возвращаясь из командировки, мама заехала в овощной магазин – купила свеклы, капусты, морковки, лука, чтобы довезти все на такси, а не тащить потом самой. Когда она открыла дверь квартиры, то увидела промелькнувшую тень. Мама, успев бросить сумки в коридор, захлопнула дверь с другой стороны. Про Максика она не сразу вспомнила. Решила, что в квартире завелись крысы. Когда она снова осторожно приоткрыла дверь, ее догадка подтвердилась – в сумке с овощами сидело существо и жрало капусту. Мама вошла, изо всех сил пнула ногой сумку, и оттуда выскочил Максик с капустным листом в зубах.

Максик исправился. Он больше не просил свежего хека и говядины. Он соглашался на все – фрукты, овощи, макароны и котлеты. Он перестал метить территорию и вел себя как кастрированный кот – ел и спал, ел и спал. И полюбил капустные листья и морковку, только не чистую, вымытую, а грязную.

Максик ластился к вернувшейся из Крыма хозяйке, чего раньше за ним не водилось, и позволял тягать себя за хвост внуку тети Люси. За страдания ему выдавали докторскую колбасу и наливали сливки.

Мама не стала рассказывать соседке, что Максик может питаться даже фиалкой. Он объел несчастный цветок до земли. Ни листика не осталось. Мама не стала выбрасывать горшок и использовала его как раньше – в качестве пепельницы.

Но тема цветов на этом в нашей семье не исчерпалась.

В период увлечения бабушки цветоводством у нее появился поклонник. Тут я должна объяснить. То, что бабушка вышла замуж, ничего не значило. Она, как и прежде, продолжала засиживаться на работе, ездить в командировки и вести тот образ жизни, к которому привыкла.

У бабушки всегда было много почитателей ее таланта. К мужчинам она относилась как к друзьям и очень удивлялась, если они вдруг видели в ней женщину. Нет, никаких романов у нее не было. Может, поэтому ее муж спокойно относился к тому, что к бабушке приезжали мужчины всех возрастов из города, из соседних сел. Или он просто привык и смирился. Бабушке, скорее всего, и в голову не приходило, что ее мужу могут быть неприятны визиты незнакомых мужчин.

У бабушки в тот день был день рождения. Она проснулась утром, умылась, оделась, удивляясь, откуда доносится такой прекрасный запах. То ли воздух так пах, то ли соседи траву покосили – бабушка очень любила запах свежескошенной травы. Когда она вышла на летнюю кухню, там сидел ее поклонник, будем так его называть, специально приехавший из города пораньше. На столе в красивой хрустальной вазе стояли розы. Бабушка ахнула. Розы были свежайшие, чуть ли не с каплями росы на лепестках.

– Какая красота. Никогда у меня таких роз не было! – воскликнула бабушка, будучи уверена в том, что ее поклонник купил цветы в городе и каким-то чудом их довез.

– А? Розы? Нет, я тебе вазу подарил! – удивился в свою очередь поклонник.

Бабушка уставилась на хрустальную бадью.

– А цветы откуда? Ты ведь и цветы... привез? – уточнила бабушка.

– Нет. Зачем? Не довез бы! У тебя срезал. Ты же сама говорила, что срезаешь в палисаднике цветы. Тебе нравится ваза? Я хотел в коробке вазу подарить, но коробка помялась. Некрасиво. А так – красиво.

Помимо гладиолусов бабушка ненавидела хрусталь во всех видах, который ей исправно дарили на день Победы и майские праздники «от лица сельсовета». Хрусталь пылился или в ее кабинете в редакции газеты, или использовался не по назначению. В конфетнице могли

храниться нитки, в вазе для фруктов – мишура для Нового года, а одну из ваз – здоровенную бандуру размером с бочонок для засолки огурцов – бабушка использовала как пресс-папье.

Так вот, бабушка медленно встала из-за стола и пошла сначала к туалету, все еще надеясь на то, что поклонник, которого она считала умным и интеллигентным мужчиной, срезал именно «туалетные» розы. Но тот куст по-прежнему цвел. Тогда бабушка вышла в палисадник и увидела обглоданные палки на месте цветущих кустов. Она взяла секатор и вернулась к поклоннику. Он все понял без слов и поспешил удалиться. Больше его в селе не видели.

Бабушка еще долго плакала над уничтоженными кустами. Соседки предлагали ей новые клубни, Варжетхан обещала лично посадить любые цветы и заговорить их на цветение, но бабушка отказалась. Больше она не предпринимала попыток заняться садоводством. В нашем палисаднике остался цветок алоэ, не опознаваемые ни одним справочником травы знахарки и здоровенная палка гладиолуса. В углу огорода по-прежнему росла крапива, цвели редкими всполохами ромашки, и единственным напоминанием о личной трагедии стал «туалетный» розовый куст.

- Почему ты больше не захотела цветов? – спросила у бабушки ее подруга.
- От них одни неприятности, – ответила бабушка и как в воду глядела.

Возложэнэ, или Ленин живее всех живых

Поскольку я росла с бабушкой, то цветы и прочие растения тоже не очень различала и относилась к ним равнодушно. Более того, поскольку я считалась московской девочкой, о многих традициях просто не знала. А бабушка не считала нужным меня просвещать. Скандал разразился там, где не ждали – на торжественной линейке в честь приема в пионеры.

В селе подобные праздники отмечались с размахом и относились к ним со всей серьезностью. Клятву пионера учили назубок, галстуки утюжили, и для такого дня девочкам обязательно шили новый белый фартук. Почему шили? Потому что в селе все шили – и школьную форму, и фартуки. Купить можно было только в городе, но кто же будет тратить время и уж тем более деньги на форму? Форменное платье шили «на вырост», рубашки для мальчиков «удлиняли» или «укорачивали», переставляя манжеты. А пионерские галстуки и вовсе считались семейной ценностью, переходящей от старшего сына или дочери, ставших комсомольцами, к младшим братьям и сестрам. Мероприятие, как правило, было приурочено к очередному съезду партии или другой знаменательной дате. В пионеры принимали на площади около Дома культуры, где стоял памятник Ленину. Ленина тоже готовили – мыли, протирали тряпочкой и всячески полировали.

Все, естественно, собирались семьями – в пионеры отдавали, как замуж. На площади толпились родители, бабушки-дедушки, все двоюродные и троюродные родственники. Дома даже накрывали столы по случаю праздника. И все шли с гвоздиками. Никаких других цветов на приеме в пионеры не было. Откуда взялась эта традиция, никто не знал, но соблюдали ее строго.

Младшим школьникам, особо отличившимся в учебе или в художественной самодеятельности, вменялась почетная обязанность – дарить гвоздики ветеранам войны, ударникам труда и руководству села. То есть всем тем уважаемым людям, кто стоял на трибуне, повязывал галстуки и принимал клятву. Поскольку я была внучкой главного редактора главной районной газеты и у меня были настоящие, а не сшитые фартук и банты, привезенные из Москвы, я вошла в элитную группу «цветочниц».

Девочкам-«цветочницам» велели прийти заранее. Перед нами лежала здоровенная охапка гвоздик – цветы были грудой свалены на лавочке. Пионервожатая – любимица всего села, самая красивая девушка села (за что и была назначена пионервожатой), дочка главного врача села (и за это тоже она была назначена пионервожатой), которую звали Лиана, инструктировала – взять цветы, преподнести. Если кто-то скажет речь, тоже взять цветы из кучки и преподнести. Быстро убежать. Чтобы никто не остался без цветов. Всем улыбаться.

Я немного успокоилась – ничего сложного, взять цветы из кучки, отдать, вернуться.

– А для тебя особое поручение, – остановила меня Лиана в тот момент, когда я уже собиралась сбежать за мороженым, пока не начался прием в пионеры.

– Почему для меня?

– Потому что ты внучка уважаемого человека, главного редактора газеты. Разве не понятно? Тебя избрали для самого главного и ответственного возложения.

– Кто избрал? – промямлила я, поскольку не понимала, что такое «возложение». Лиана произносила это слово как «возложэнэ», а попросить объяснить мне по-осетински я не решилась. Все взрослые говорили со мной по-русски, все подружки и одноклассники – по-осетински. И иногда я лучше понимала по-осетински.

– Я избрала! – гордо ответила Лиана.

Я хотела ей сказать, что она ошиблась с выбором, но она меня не слушала.

– Значит, так, возьмешь цветы из кучки и положишь их к памятнику Ленина. Поняла? Иди медленно и торжественно. Выходи, как только услышишь гимн. Цветы выложи с достоинством,

а не просто бросай на постамент. Возложэнэ должно быть красиво. И медленно возвращайся сюда, к лавочке. Все поняла?

– Нет, – прошептала я, но Лиана уже убежала отдавать распоряжения по поводу выноса знамени.

Когда зазвучал гимн, я уже жалела о том, что являюсь внучкой уважаемого человека. Мне было страшно, и гора гвоздик плыла перед глазами. Я взяла из кучки гвоздики и пошла к памятнику. Я честно старалась идти медленно и торжественно. Цветы, как мне казалось, я положила красиво, но потом наклонилась и поправила. Медленно пошла назад. Еле доплелась до лавочки и закрыла глаза.

Очнулась я от нависшей надо мной тени. Даже двух. Надо мной стояли бабушка и Лиана. Бабушка была в парадном костюме, с рядами медалей, которые сверкали на солнце. Лиана стояла с перекошенным лицом. Кажется, у нее даже глаз дергался.

– Что ты сделала? Это же позор! – прошипела бабушка.

– Я ей все рассказала, как надо, – пискнула Лиана. Она чуть не плакала от ужаса.

– Нет, я все-таки отправлю тебя назад к матери, – продолжала шептать мне бабушка, – ты вся в нее.

Я искренне не понимала, что натворила. Шла слишком медленно? Слишком быстро? Некрасиво возложила цветы?

– Бабушка, что я сделала?

– Смотри, – прошипела бабушка и показала на Ленина.

На постаменте лежали мои гвоздики.

– Их две! Ты положила две гвоздики! – Лиана сдерживалась из последних сил. – Как ты могла Ленину две гвоздики положить? Он же живее всех живых!

Я таращила глаза, поскольку не понимала, чем обидела Ленина.

– Два цветка на похороны несут. Ленину надо было три положить или пять. Ты считать умеешь? – бабушка покраснела от гнева.

– Но он же умер... – пролепетала я, – значит, можно и две.

Бабушка охнула, Лиана прижала руки к губам, чтобы подавить крик.

В это время на трибуне для почетных гостей тоже шла жаркая дискуссия. Почетным гостям было скучно в двадцатый раз выслушивать клятву пионера, и они обратили внимание на то, что на постаменте лежат две чахлые гвоздички, причем одна – со сломанным стеблем. Это я сломала, пока несла.

– Почему две? – спросил кто-то из важных гостей из города, у которого в нашем селе жила троюродная тетка, и соответственно троюродный племянник в данный момент из последних сил держал на согнутом локте галстук, ожидая торжественной повязки.

– Не знаю, – ответил второй, – лишь бы никто не заметил. Если в газете появится, будет скандал.

Второй чиновник явно не знал, что пресса в этот момент находилась в непосредственной близости от источника сенсации и брала интервью у главной героини этой сенсации.

– Всегда три было или пять, – продолжал рассуждать первый чиновник, – может, распоряжение вышло?

– Может, и вышло, – ответил второй, – регионы иногда быстрее узнают новости, чем мы, тем более здесь.

– Почему? – не понял первый.

– Как почему? Вон Мария стоит – главный редактор местной газеты, у нее дочь живет в Москве, юристом работает, а эта девочка, которая две гвоздики положила, ее дочь, то есть внучка главного редактора. Вот и думай сам. Что мы не знаем, что они знают.

– А что тут думать? Надо остальным сказать, что теперь по две гвоздики надо Ленину класть, а то узнают, что мы до сих пор по три кладем, – скандала не оберешься.

– Да, я тоже думаю, что это неспроста. Но почему нас в известность не поставили?

– Значит, кто-то недоработал. Надо узнать кто. И уволить, пока не поздно. Если спросят, мы отчитаемся, что виновные понесли заслуженное наказание.

Что было дальше, я не знаю, честно. То есть на республиканском уровне. А на местном уровне бабушка бегала за мной с крапивой по всему огороду и обещала отправить к матери первым же поездом. Лиана быстро приняла предложение выйти замуж за бывшего одноклассника, которого еще до этой торжественной линейки считала недостойным своей руки. Уже через месяц она ходила беременная. Поскольку замужняя женщина, тем более беременная, не могла быть пионервожатой, Лиана с радостью уволилась из школы и погрузилась в домашний быт. Как ни странно, ее скоропалительный брак оказался счастливым.

Бабушка с тех пор шарахалась не только от букетов гладиолусов, но и от гвоздик.

Зато полюбила маки. Тогда выращивание маков не считалось уголовно наказуемым преступлением, и я прекрасно помню, как обрывала головки дикорастущих маков в поле. Помню вязкую жидкость, похожую на молоко. И запах, от которого кружилась голова. Бабушка бросила копать картошку и засадила грядки маками. За маковыми семечками для пирога к ней приходили все соседки.

Пять свадеб

Главными светскими событиями в нашем селе были свадьбы и похороны. На них съезжались родственники, близкие и дальние, из других сел и городов. Приглашались и все жители села, автоматически считавшиеся родней по месту жительства. На свадьбах молодые люди присматривали себе пару, девушки старались показать себя в лучшем ракурсе и продемонстрировать умение танцевать, так что к следующим за свадьбой похоронам родители потенциальных жениха и невесты готовились особенно тщательно – на поминках можно было договориться о приданом. Незамужняя девушка свадьбу даже четвероюродной племянницы ни за что бы не пропустила. Ее мать, а также бабушка, прабабушка, двоюродная бабушка, тетя по отцу, тетя по матери и прочие золовки и снохи, ни за что не пропустили бы похороны, к которым полагалось шить отдельное платье. Где, как не на похоронах, можно обсудить счастье «девочки» и разузнать, кто из достойных молодых людей ищет себе невесту. То есть свадьбы и похороны становились не столько поводом для радости или горя, сколько деловой встречей, на которой стояла задача найти партнера, обсудить финансы, детали договора и масштабы выплат в случае его расторжения. В переводе на сельский язык такие массовые сборища были лучшим способом показать дочь, обсудить, сколько баранов она может принести в семью, поторговаться насчет телевизора – черно-белого или даже цветного в качестве выкупа, возможно, попросить еще ковер или пианино. Никто не шел на свадьбу как на свадьбу. Никто не шел на похороны как на похороны. Это был бизнес, ничего личного.

Опять же, согласно традициям, на свадьбах и похоронах было принято оставлять деньги в конвертах на специальных подносах, которые стояли на видном месте. Поскольку оба «мероприятия» длились как минимум три дня, эти деньги покрывали стоимость проведения действия. Все гости старались приехать в первый день, чтобы оставить конверт – родственники из этих конвертов, как правило, оплачивали церемонию зарезания бычка и баранов, услуги плакальщиц. Эти же деньги шли на музыкальное сопровождение, услуги тамады и прочее. Лучшей свадьбой считалась та, в которой родственники «вышли в плюс» – то есть не только оплатили праздник, но еще и молодым осталось...

На свадьбах, как и на похоронах, требовалось неукоснительно соблюдать все традиции – и национальные, и советские. Невеста, потупив глаза в пол, должна была стоять в углу дальней комнаты, а покойник – лежать в гробу в центральной комнате дома на самом большом столе. К невесте подходили женщины, поднимали фату и плевали ей в лицо – от сглаза. К покойнику тоже подходили, кидались на гроб, плакали, рвали волосы и иными способами выражали горе. Если усопший был важным человеком в селе, то к нему приводили пионеров, комсомольцев, организовывали заход и выход, по времени, чтобы люди не толпились в комнате. Пионеры проходили, отдавали пионерский салют, комсомольцы прикладывали руку к значку на груди. Октябрята, по счастью, были избавлены от такой повинности. Поскольку похороны, как и свадьбы, в селе случались регулярно, то пионеры проходили мимо гроба организованной цепочкой, быстро салютовали и выходили, чтобы не задерживать движение. Как на параде.

Гроб стоял в комнате три дня, и ближайшие родственники должны были скорбеть днем и ночью, сидя рядом.

Покойника торжественно выносили на руках и на руках же несли до кладбища. Уже там заколачивали крышку, давая возможность родным и близким проститься еще раз. Вдовы, согласно традиции, непременно в последний момент перед заколачиванием кидались на грудь покойного и умоляли похоронить себя вместе с усопшим супругом. Специально для того, чтобы отрывать женщин от гроба, на изготовку стояли двое мужчин из числа родственников.

Многие вдовы совершенно не собирались хоронить себя заживо. Уже на поминках они имели право со светским видом обсуждать планы «Залины, дочки Аслана» на брак с «Аликом,

сыном Батраза». Залина и Алик в это время смотрели друг на друга из разных концов двора. Тут же, на поминках, выяснялось, что Алан сделал предложение Фатиме и свадьба будет через два месяца. Из чего следовало, что женщинам срочно нужно новое платье.

Если девушка была красивой, то сумма выкупа за нее существенно снижалась, если была умной, то повышалась: умная невестка – горе свекрови. Если девушка умела танцевать или играть на осетинской гармошке, то торг считался уместным. Если же потенциальная невеста происходила из богатой семьи или уважаемого, пусть даже и не очень богатого рода, была хороша собой, умела танцевать и играть на гармошке, училась в институте, то уже она сама решала – за кого ей выходить замуж. И тогда на чужой свадьбе потенциальный жених должен был ее «завоевать» – устроить показательный танец или сделать что-нибудь выдающееся. Если же девушка была из бедной семьи, но при этом слыла покорной, вежливой, да еще и красавицей, то уже она должна была «показать» себя. Так станцевать, поднести угощение, чтобы юноша из уважаемого рода обратил на нее внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.